

УДК 343.21

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-360-374

EDN: FMVVHK

Оригинальная научная статья

К вопросу о современном состоянии уголовно-правовой политики России

П. В. Пошелов

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ poshelov@bk.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы уголовно-правовой политики современной России. Предметом исследования выступает политика государства по противодействию преступности на современном этапе. Цель исследования – раскрыть сущность уголовно-правовой политики, обозначить важность тщательного подхода к борьбе с преступностью, а также признанию того, что должно быть уголовно наказуемым деянием. Основу статьи составляет совокупность различных методов познания, включающая анализ и синтез, индукцию и дедукцию, а также формально-юридический метод. Автор указывает на состояние кризиса, характеризующее реагирование государства на современные вызовы. Это обосновывается следующим: 1) избыточной криминализацией; 2) распространением в обществе моральной паники в отношении отдельных явлений и непропорциональным реагированием государства на них; 3) увеличением количества статей уголовного законодательства, наказывающих за пропаганду и призывы к явлениям, признаваемым государством опасными, расширением практики их применения; 4) склонностью законодателя действовать по первому побуждению, без рассмотрения оснований криминализации; 5) увеличением количества составов преступлений без жертвы; 6) законодательным и правоприменительным креном на ужесточение ответственности (в том числе в части пенализации); 7) сложнейшими законопроектами, устанавливающими новые составы преступлений, принимающимися почти без обсуждения и в максимально короткие сроки; 8) отсутствием у судов должного отношения к установлению субъективной стороны, что приводит к осуждению лиц за деяния, которые в принципе не должны влечь какой-либо ответственности; 9) внесением кардинальных изменений в законопроекты, никак не связанных с предложениями, в целях обхода требования о составлении пояснительной записки к предлагаемым изменениям; 10) недостаточностью государственных мер в деятельности по предупреждению преступности, что компенсируется возложением на граждан обязанности содействовать борьбе с преступностью под угрозой уголовной ответственности. Делается вывод о том, что вышеперечисленные проблемы требуют незамедлительной смены как законотворческого, так и правоприменительного курса, приводятся конкретные направления их изменения.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; преступность; криминализация; законодательство; правоприменение

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пошелов П. В. К вопросу о современном состоянии уголовно-правовой политики России // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 360–374. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-360-374>. EDN: <https://elibrary.ru/fmvvhk>

Original scientific article

On the Contemporary State of Russia's Criminal-Law Policy

P. V. Poshelov

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ poshelov@bk.ru

Abstract. The article examines problems of criminal-law policy in contemporary Russia. The subject of the study is state policy on countering crime at the present stage. The aim of the study is to reveal the essence of criminal-law policy, to emphasize the importance of a carefully considered approach to combating crime, and to determining which acts should be recognized as criminally punishable. The article is based on a set of research methods, including analysis and synthesis, induction and deduction, as well as the formal legal method. The Author points to a state of crisis characterizing the state's response to contemporary challenges. This is substantiated by the following factors: excessive criminalization; the spread of moral panic in society with regard to certain phenomena and a disproportionate state response to them; an increase in the number of provisions of criminal legislation penalizing propaganda and calls for conduct or phenomena deemed dangerous by the state, together with the expanding practice of applying such provisions; the legislature's tendency to act on first impulse, without considering the grounds for criminalization; an increase in the number of victimless offences; a legislative and law-enforcement bias toward harsher liability, including increased penalization; the adoption, almost without discussion and within extremely short timeframes, of highly complex bills establishing new elements of criminal offences; the courts' failure to pay due attention to establishing the subjective element of an offence, which leads to the conviction of persons for acts that, in principle, should not entail any liability; the introduction of fundamental amendments to bills that are unrelated to the original proposals, with a view to circumventing the requirement to provide an explanatory note to the proposed amendments; and the insufficiency of state measures in crime-prevention activity, which is compensated for by imposing on citizens, under threat of criminal liability, a duty to assist in combating crime. The article concludes that the problems identified above require an immediate change in both the legislative and law-enforcement course, and it sets out specific directions for such changes.

Keywords: criminal-law policy; crime; criminalization; legislation; law enforcement

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Poshelov P. V. On the Contemporary State of Russia's Criminal-Law Policy. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):360-374. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-360-374>. EDN: <https://elibrary.ru/fmvvhk> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	361
II. Избыточная криминализация	362
III. Проблемы законотворческого процесса	369
IV. Проблемы правоприменения	370
V. Заключение	372
Список литературы	373

I. ВВЕДЕНИЕ

Преступность — опасное явление, требующее тщательной проработки мер борьбы с ней. Упрощенное представление о проблемах преступности и мерах

воздействия на нее может привести к неэффективности законодательства и правоприменения. В частности, речь может идти об отсутствии единообразия судебной практики по многим статьям Уголовного

кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Кроме того, криминализация определенных деяний (без которой можно было бы и обойтись) увеличивает как нагрузку на правоохранительную и судебную системы, так и количество лиц, подвергаемых мерам уголовно-правового воздействия. Отсутствие нормативного стратегического документа, который бы регулировал вопросы уголовно-правовой политики и закреплял принципы воздействия на преступность, негативно сказывается на уровне преступности.

В доктрине еще два десятилетия назад отмечалось, что российская уголовно-правовая политика находится в кризисе. В настоящее время он наблюдается в первую очередь в правотворчестве, а также в правоприменении. При криминализации целого ряда составов преступлений игнорируются такие принципы уголовно-правовой политики, как принципы экономии уголовной репрессии, целесообразности, справедливости. Количество изменений уголовного законодательства увеличивается в геометрической прогрессии. При этом, несмотря на провозглашение, в том числе конституционное, приоритета защиты личности, наблюдается смещение акцента в сторону защиты интересов государства (причем меры защиты зачастую непропорциональны реальной опасности угрозы), о чем будет сказано далее. Следует также отметить, что такие изменения нередко противоречат действующим нормам УК РФ, дублируют их либо не выдерживают критики с точки зрения устоявшихся правил юридической техники. Все это самым негативным образом отражается и на другой форме реализации уголовно-правовой политики – правоприменении. Большое количество решений, выносимых судами общей юрисдикции, также носит весьма спорный характер.

В настоящей статье предпринимается попытка разобраться в основных проблемах и причинах такого положения.

II. ИЗБЫТОЧНАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ

Во-первых, имеет место избыточная криминализация. В первую очередь проблема связана с оценкой общественной опасности криминализируемых деяний. Представляется, что от признака оценочности общественной опасности невозможно избавиться, так же как и выстроить объективную шкалу ее оценки. Многие статьи уголовного закона, появившиеся в последнее время, вызывают серьезные сомнения относительно целесообразности криминализации.

Так, в ходе исследования был проведен опрос представителей уголовно-правовой доктрины, преподавателей и научных сотрудников юридических вузов Российской Федерации общей численностью 120 человек. На вопрос о характере современной криминализации 66 % респондентов ответили, что оценивают ее как избыточную, еще 8 % – как недостаточную, 26 % находят ее оптимальной. Среди статей, нахождение которых в УК РФ представляется спорным, респонденты чаще всего отмечали следующие: ст. 148 (нарушение права на свободу совести и вероисповеданий); ст. 158.1 (мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию); большое количество преступлений гл. 22 (преступления в сфере экономической деятельности); ст.ст. 207.1–207.3 (публичное распространение заведомо ложной информации); ст. 212.1 (неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования); ст.ст. 230.1 и 230.2 (преступления, связанные с использованием допинга);

¹ Соответствующие вопросы автор настоящей статьи поднимал в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (см.: Пошелов П. В. Уголовно-правовая оценка реабилитации лица: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2024. 193 с.).

ряд составов преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, основанных на административной преюдиции; ст. 280.3 (публичные действия, направленные на дискредитацию), ст. 282.4 (неоднократные пропаганда или публичное демонстрирование запрещенной атрибутики или символики), ст. 294.1 (незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий на территории РФ), ст. 330.2 (неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина РФ гражданства иностранного государства), ст. 352.1 (добровольная сдача в плен).

По мнению респондентов, спорность нахождения ряда статей в УК РФ выражается главным образом в следующем (вопрос был открытым с возможностью указания нескольких тезисов): 1) в отсутствии общественной опасности указанного деяния (57 %); 2) достаточности применения механизма административной ответственности (48 %); 3) расплывчатости и неопределенности используемых в статье формулировок (37 %); 4) дублировании уже действующих норм (20 %); 5) невозможности применения нормы на практике (17 %).

Конституционный Суд Российской Федерации в свое время совершенно верно называл УК РФ «крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения»². Многие известные ученые в области уголовного права и кри-

минологии соглашались с этим тезисом. Так, например, Я. И. Гилинский отмечает, что действующее уголовное законодательство многих стран, включая Россию, избыточно и делает каждого гражданина преступником [1, с. 22]. Схожей позиции придерживаются и некоторые другие исследователи [2, с. 95; 3, с. 69; 4, с. 92]. Законодателем же зачастую эта позиция полностью игнорируется (впрочем, как и основания криминализации: общественная опасность, отсутствие противоречия Конституции РФ, невозможность бороться с таким деянием иными способами и т. д.). Далее будут рассмотрены примеры подобного игнорирования. Законодатель не должен руководствоваться принципом «нам что-то не нравится – значит, это надо запретить».

В частности, это касается запретов, вводимых в рамках борьбы с отдельными явлениями. Нередко в этом виноваты те, кто определяет основные направления уголовно-правовой политики – депутаты законодательных органов, руководители государственных органов. В результате происходит чрезмерное упрощение проблемы: в скандалах³ виноваты компьютерные игры, а также песни, в которых автор поет от имени скандалера и раскрывает его мотивацию⁴; в распространении нетрадиционной ориентации⁵ – книги («Лето в пионерском галстуке») и фильмы.

Одной из тенденций последнего времени в уголовно-правовой доктрине признается «активное использование образов внешнего и внутреннего врага для конструирования уголовно-правовых

² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституц. суда Рос. Федерации от 10 июля 2003 г. № 270-О // Вестник Конституц. Суда РФ. 2003. № 5.

³ Движение «Колумбайн» внесено в список террористических организаций, его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ См. п. 5336 Федерального списка экстремистских материалов (Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 25 октября 2022 г.). URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?id=10248> (дата обращения: 05.09.2025).

⁵ Международное общественное движение ЛГБТ – организация, признанная экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

запретов» [5, с. 141]. В определенной мере происходит поиск виноватых вместо борьбы с первопричинами. В высоком уровне преступности обвиняют мигрантов, иностранцев и т. д. (этот список постоянно пополняется). Между тем подобный подход порождает у населения чувство ненависти к указанным лицам, их неприятия, что усиливает отчужденность последних и может способствовать увеличению уровня их виктимности и криминальной активности. Данные процессы рассматриваются как проявления моральной паники, проявляющейся в распространении подобной информации лицами, которые определяют направления уголовно-правовой политики в области как законодательства, так и правоприменения, а также как признаки конфликта культур.

Однако, например, в Германии в настоящее время допускается продажа манифеста А. Гитлера «Моя борьба» с комментариями относительно того, к чему привели эти идеи и чем они опасны, а также фотографиями жертв нацистских преступлений по материалам Нюрнбергского процесса. Такая практика представляется более предпочтительной, нежели практика запретов. Подобные книги нужно изучать, чтобы понять, как предотвратить похожие события в настоящее время. Российский законодатель когда-то был с этим согласен. Так, в 1997 г. в Государственной Думе Российской Федерации рассматривался законопроект «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁶ об установлении уголовной ответственности за оправдание преступлений национал-социалистического, фашистского и иных режимов. Законопроект был отклонен, но интереснее всего было его обсуждение. Одним из депутатов была высказана мысль о том, что наложение рассматриваемого за-

прета не позволит гражданам и политикам понять, в чем причина фашизма, как он возник, и тем самым не даст возможности противодействовать его появлению⁷. Таким образом, законодатель ранее считал, что подобного рода законопроекты даже больше защищают нацизм, чем наказывают за него. Комплексный подход с использованием системы образования предпочтительнее запретительной политики в долгосрочной перспективе.

Вместе с тем в настоящее время устанавливается ответственность не просто за распространение подобных материалов, но даже за их поиск. Не следует удивляться, если спустя время в УК РФ появится состав преступления, предусматривающий наказание за такое деяние с административной преюдицией. При этом возникает вопрос: как вести научные исследования, посвященные изучению соответствующей проблематики, если в ст. 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нет примечания, ограничивающего ее сферу действия?

В отношении аргумента о том, что некоторые лица, прочитавшие запрещенные материалы, могут не воспринять научные комментарии и проникнуться противоправной идеологией, то подобное возможно и при ознакомлении с вполне нейтральными незапрещенными произведениями (к примеру, с «Бесами» или «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского и т. п.). Следуя этой логике, нужно их запрещать (наряду с «Анной Карениной» Л. Н. Толстого, ведь там предоставляется информация о способе суицида). Сравнение всех этих примеров представляется достаточно корректным, так как в каждом речь идет о запрете по причине наличия определенной информации, которую прочитавшие могут использовать в своих целях.

⁶ См.: Законопроект № 97700740-2 «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2025. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700740-2> (дата обращения: 05.09.2025).

⁷ Там же.

В связи с подобными запретами (в рамках как Федерального списка экстремистских материалов, так и криминализации определенных форм проведения) могут возникнуть проблемы и в сфере преподавательской деятельности. Например, как можно донести до студентов информацию в процессе преподавания дисциплины «Психология экстремизма и терроризма», не рискуя подвергнуться уголовному преследованию по ст. 205.2 УК РФ? То же самое касается изучения причин терроризма в рамках криминологии. Очевидно, что указанная статья УК РФ нуждается в примечании, ограничивающем сферу ее действия.

Также наблюдается тенденция увеличения количества статей, наказывающих за пропаганду явлений, признаваемых государством опасными (либо за призывы к ним), и расширение практики их применения. В то же время термин «пропаганда» довольно расплывчат и не имеет легального определения, в связи с чем даже публичные высказывания против криминализации определенных норм вполне могут стать объектом государственного реагирования (вплоть до уголовной ответственности). К примеру, как критиковать криминализацию деяния, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, не подвергаясь риску привлечения к ответственности (сначала административной, а затем и уголовной)? Одним из требований, предъявляемых к правоприменению, является его единообразие. По упомянутым преступлениям никакого единообразия быть не может, поскольку чрезмерная оценочность термина вкупе с отсутствием легального определения может привести к тому, что подобный вопрос, по сути, будет отдан на откуп эксперту соответствующей специальности по уголовным делам (что и происходит по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности). В связи с этим нельзя не согласиться с Я. И. Гилинским, отметившим,

что в подобных случаях «...криминализация направлена на искусственное подавление всяческого инакомыслия, якобы опасного опять же для власти» [6, с. 13]. Понятно и естественно стремление государства защитить себя, однако такое стремление не должно выходить за рамки здравого смысла и принципов уголовного права – не доходить до того, что можно назвать ложно понятыми интересами безопасности. В доктрине верно указывается на то, что «вводимые нормативы применения мер безопасности вступают в противоречие с уголовным правом. Их применение не основывается на законодательных и правовых позициях уголовно-правового и криминологического обоснования уголовной противоправности и права на применение чрезвычайных мер безопасности» [7, с. 63–64].

Кроме того, отметим склонность законодателя действовать по первому побуждению, которым почти всегда выступает запрет или попытки запрета (нередко уголовно-правового либо в рамках законодательства о противодействии экстремизму). Примером может служить отношение государства к росту популярности движения квадроберов. При этом со стороны законодателей звучали призывы приравнять их к экстремистам и террористам! В качестве основания указывалось негативное влияние на подростков. Подобные события можно было наблюдать и в середине–конце 2000-х гг., когда популярные у молодежи субкультуры и движения (эмо, готы и др.) также предлагалось запретить по причинам романтизации суицида, популяризации кладбищенской тематики и т. д. Тем не менее обошлось без запретов. В некоторой мере можно констатировать непонимание государством современных тенденций, в первую очередь молодежных. Это непонимание государство пытается компенсировать политикой запретов (в том числе уголовно-правовых) и ужесточения ответственности.

Так, например, законопроект о криминализации геноцида армян турками⁸ был внесен после инцидента, связанного со сбитием российского самолета представителями Турции. Видится, что данный проект стал ответом на агрессивное действие другого государства без учета критериев криминализации (общественной опасности, распространенности, невозможности борьбы с таким явлением иными средствами и т. п.).

Закономерные вопросы вызывают попытки с помощью репрессивного деликтного законодательства решить проблемы, которые не должны решаться подобными средствами. В частности, к таким вопросам можно отнести вопросы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 78.1 УК РФ), распространения заведомо ложной информации (ст. 207.3 УК РФ), демографические вопросы (ответственность за пропаганду «чайлдфри» — движения, которое в будущем потенциально может быть признано экстремистским), вопросы регулирования поведения, которое государству кажется странным и вредным (как упомянутые выше квадроберы). В ближайшем будущем, как представляется, всё, не соответствующее объявленным традиционным ценностям (и внесенное в соответствующий указ Президента РФ), может быть криминализировано законодателем: невступление в брак до определенного возраста, отсутствие детей (то есть посягательство на демографическую политику государства), тунеядство (отсутствие созидательного труда), неуважение к памяти предков и прочее. Этот вывод основан на анализе современного законодательного процесса, в частности, на внесении соответствующих изменений в ст.ст. 148, 354.1 УК РФ, криминализации ст.ст. 205.6, 352.1 УК РФ и т. д. В очередной раз считаем обоснованной позицию Я. И. Гилинского:

«Надо раз и навсегда понять: нельзя управлять государством мерами запретов и наказаний» [8, с. 55].

Стремительно увеличивается количество составов преступлений без жертвы. Почти все последние изменения УК РФ в части криминализации связаны с неоднократной демонстрацией запрещенной атрибутики и символики, дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации, распространением заведомо ложной информации, призывами к санкциям, призывами к совершению действий против безопасности государства, добровольной сдачей в плен и т. д. (Повторим, что многие из перечисленных преступлений охарактеризованы как избыточные участниками проведенного опроса, среди которых — ведущие ученые в области уголовного права и криминологии, и это позволяет заключить, что данная позиция не является исключительно субъективной точкой зрения автора.) По нашему мнению, в условиях избыточности уголовного законодательства от подобных составов необходимо избавляться. Что касается распространения противоправной информации, то это решается деятельностью государства по убеждению населения в ее недостоверности. На всякую пропаганду может найтись контрпропаганда, от успешности которой будет зависеть, проникнется ли население пропагандистскими идеями либо поверит государству. Однако законодатель не ищет сложных путей, предпочитая политику запретов. Более того, представляется, что граждане при надлежащем уровне правосознания могут самостоятельно оценить достоверность информации.

Наблюдается выраженный крен в сторону ужесточения ответственности, причем это касается не только криминализации, но и пенализации. Законодатель,

⁸ См.: *Законопроект № 938567-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2025. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 05.09.2025).

скорее всего, убежден: чем жестче наказание, тем вероятнее оно будет останавливать потенциальных преступников от совершения преступлений. Представители классической криминологической школы еще несколько столетий назад доказали ошибочность такого тезиса. Более того, в те времена и в тех странах, в которых наказания были чрезмерно суровыми, совершались более жестокие преступления. Законодатель либо не понимает этого, либо сознательно игнорирует данные обстоятельства. Показательны постоянные вопросы (поднимаемые в основном после резонансных общепасных преступлений) от отдельных влиятельных депутатов о том, поддерживает ли население возвращение практики применения смертной казни. Насилие всегда порождает насилие (насилие государства порождает насилие со стороны преступников).

В 2023 году было ужесточено наказание за государственную измену (в части дополнения санкции пожизненным лишением свободы). Уровень преступности в последующие годы, по мнению сторонников положительного влияния жестких наказаний на данный показатель, должен был снизиться, но произошло обратное. Если в 2022 году количество осужденных по ст. 275 УК РФ составляло 16 человек, в 2023 г. – 39, то в 2024 г. оно составило уже 145 человек⁹ – весьма показательный пример, развеивающий мифы о положительном влиянии строгих наказаний на уровень преступности. Безусловно, наблюдаются и случаи смягчения ответственности. Так, например, постепенно ограничивается сфера применения наказания в виде лишения свободы, расширяется применение альтернативных лишения свободы наказаний (в частности, принудительных работ), «индексируются» показатели по нижнему пределу причиненного ущерба в преступлениях в сфе-

ре экономической деятельности. Однако, как верно отмечает А. И. Коробеев, это происходит лишь на определенных этапах и под воздействием преимущественно конъюнктурных соображений [9, с. 247]. Примеров законодательного смягчения ответственности, произведенного за последние 3–4 года, явно недостаточно, чтобы считать эти изменения постоянными и являющимися одним из основных направлений современной уголовно-правовой политики.

Намного больше обратных примеров:

1) ужесточение санкций (в ст. 275 УК РФ добавлено наказание в виде пожизненного лишения свободы; верхний предел санкции ст. 281 УК РФ повышен с 15 до 20 лет лишения свободы; верхний предел санкции ч. 1 ст. 207.3 УК РФ повышен с 3 до 5 лет лишения свободы; повышены верхние пределы санкций в ст. 205 УК РФ и ряде других статей, предусматривающих наказание за преступления террористической направленности);

2) добавление в статьи новых квалифицирующих или системообразующих признаков (в ст. 281 УК РФ добавлено указание на нанесение вреда определенным объектам, добавлен квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору»; в ст. 280.3 УК РФ добавлено указание на войска национальной гвардии Российской Федерации; дифференцирована ответственность за вооруженный мятеж с добавлением указания на последствия преступления и одновременным ужесточением санкции; ст. 275 УК РФ дополнена таким уголовно наказуемым действием, как переход на сторону противника; ст. 208 УК РФ дополнена положением об ответственности за участие в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях,

⁹ См.: *Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации*. URL: <https://cdpr.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

противоречащих интересам Российской Федерации; в ст. 131 УК РФ добавлено указание на сопряженность этого преступления с другим тяжким или особо тяжким преступлением против личности и т. д.). Безусловно, понятно стремление государства защитить себя, в том числе посредством уголовно-правовых запретов, но проблема заключается в том, что государство видит в УК РФ и ужесточении наказаний единственный способ достижения этой цели, хотя это должно быть крайним средством разрешения социальных конфликтов. При этом ужесточение наказаний само по себе не способствует защите государства, тем более постфактум, когда вред государству уже нанесен. Основной задачей государства является предупреждение преступлений;

3) явное превалирование криминализации над декриминализацией (только в гл. 29 УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, за 2022–2025 гг. появилось 11 (!) новых составов преступлений, кроме того, семь составов преступлений указанной главы за этот же период подверглись изменениям; также криминализованы добровольная сдача в плен, посягательства на особо ценные дикие растения и грибы, распространение заведомо ложной информации и т. д.);

4) увеличение количества составов преступлений с административной преюдицией, причем чаще всего это выступает именно как криминализация¹⁰ (ст.ст. 274.2, 280.3, 282.4, 284.2 УК РФ и т. д.). В отношении ряда таких составов преступлений есть решения Конституционного Суда Российской Федерации, которыми, по сути,

ограничивается сфера их применения (например, позиция относительно ст. 212.1 УК РФ с ограничительным толкованием диспозиции¹¹), что, однако, не мешает судам общей юрисдикции такие решения игнорировать;

5) расширение перечня обстоятельств, отягчающих наказание (добавлены совершение преступления в период мобилизации, военного положения, в военное время, в условиях ведения боевых действий; совершение преступления в отношении несовершеннолетнего лицом, проживающим с ним, а также иными лицами в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства; совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии; совершение преступления с публичной его демонстрацией; совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации; совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен).

Зачастую обоснования отдельных законодательных мер вызывают серьезные вопросы относительно их соответствия элементарной логике. Так, в целях противодействия вовлечению подростков в наркобизнес предлагается снизить возраст наступления уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. То есть чтобы победить глав наркобизнеса нужно усилить

¹⁰ Одно из немногих исключений – ст. 282 УК РФ, которая введением преюдиции была частично декриминализована, хотя уже появляются предложения, в том числе законодательные, о возвращении изначальной конструкции, когда уголовная ответственность наступала уже при первом совершении запрещенного деяния.

¹¹ См.: По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 янв. 2020 г. № 7-О. Доступ из СПС КонсультантПлюс

ответственность низовых звеньев этой цепочки? Это так же нелепо, как если бы в Италии пытались победить организованную мафию, задерживая и привлекая к ответственности рядовых членов преступной группировки, которые нередко даже не знали, кто у них высший босс.

Законодатель практически не пользуется достижениями уголовно-правовой и криминологической науки. И. А. Дамм указывает на пагубную параллельность процесса научных исследований воздействия на преступность и законотворческого процесса, что в конечном итоге приведет к созданию «колосса на глиняных ногах», не способного адекватно и своевременно противостоять криминальным угрозам [10, с. 16–17]. Представителями доктрины даже был разработан научный проект Уголовного кодекса [11], текст которого намного превосходит с точки зрения юридической техники действующий УК РФ. Берите – и применяйте (возможно, даже принимайте). Однако законодатель идет своим путем.

III. ПРОБЛЕМЫ

ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Наиболее резонансные и сложные законопроекты принимаются фактически за несколько дней. Сложнейшие законопроекты, которые требуют всестороннего обсуждения и детальной проработки, почти не обсуждаются и не прорабатываются. Следствием этого становятся неоднократные последующие изменения принятых норм, их противоречие друг другу и правилам юридической техники. В частности, проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹²

о совершенствовании уголовно-правовой охраны национальных интересов Российской Федерации, прав и свобод граждан от новых форм преступной деятельности и угроз государственной безопасности перекраивал почти всю гл. 29 УК РФ, тогда как между его первым чтением и подписанием с официальным опубликованием прошел один месяц (14 июня – 14 июля). Так, в диспозицию ст. 275 УК РФ, помимо прочего, было добавлено такое действие, как переход на сторону противника. Понятие противника было дано в примечании к ст. 276 УК РФ, при этом оно начиналось с фразы «Под противником в настоящей (то есть только в ст. 276 УК РФ. – П. П.) статье понимаются...». Оставалось загадкой, кто же такой противник в ст. 275 УК РФ. В декабре 2024 г. (через полтора года после изначальных изменений) законодатель устранил данный пробел, исключив примечание из ст. 276 УК РФ, введя его в ст. 275 УК РФ и распространив на обе статьи. Вероятно, при более тщательной подготовке текста законопроекта и его обсуждении подобной ситуации можно было бы избежать.

Еще один пример – законопроект, которым была введена ст. 207.3 УК РФ¹³. Он был внесен в мае 2018 г. 3 марта 2022 г. законопроект в новой редакции вносится в Государственную Думу, 4 марта он уже был одобрен Советом Федерации, подписан и опубликован. Следствием этого стало то, что ст. 207.3 УК РФ менялась трижды за период с марта 2022 г. по декабрь 2023 г.: 25 марта 2022 г. (то есть через три недели после ее появления в УК РФ), 18 марта 2023 г. и 25 декабря 2023 г. Представляется, что при более тщательной изначальной проработке этого можно было бы избежать.

¹² См.: *Законопроект № 130406-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8?ysclid=mqpgd1vjx1771040093> (дата обращения: 05.09.2025).

¹³ См.: *Законопроект № 464757-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // СОЗД ГАС «Законотворчество». 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 05.09.2025).

Также вызывает сомнения практика внесения кардинальных изменений в законопроекты, первоначально лишь отдаленно связанные с предлагаемыми изменениями либо вообще с ними не связанные (что также происходит в отношении достаточно резонансных и спорных законопроектов о криминализации). В данном случае такие изменения уже не требуют составления пояснительной записки, обосновывающей принятие новых норм (либо редакции норм). В качестве примера можно привести уже упоминавшийся выше законопроект, которым в УК РФ вносились статьи о дискредитации (ст. 280.3 УК РФ) и распространении заведомо ложной информации (ст. 207.3 УК РФ), а также законопроект о внесении изменений в гл. 29 УК РФ. Такая практика, безусловно, настораживает. Один из возможных путей решения проблем законотворческого процесса в части изменения норм УК РФ уже предложен доктриной и заключается в законодательном установлении требований к подобным законопроектам (в частности, имеется в виду проект И. В. Савельева [12, с. 28]). Предполагается, что это может стать первым шагом на пути к оптимизации уголовно-правовой политики.

IV. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Из-за размытости и правовой неопределенности большого количества принятых в последние годы норм лица привлекаются к ответственности в ситуациях, когда такого привлечения быть не должно. Так, по одному из административных дел девушка была привлечена к ответственности за поездку в метро с брошью в виде цветка незабудки сине-желтого цвета: «...находясь в кругу неопределенного количества пассажиров, имея при себе и де-

монстрируя средство наглядной агитации, негативного отношения к проводимой Вооруженными Силами РФ специальной военной операции, а именно прикрепленный на лямке сумки цветок под названием незабудка, имеющий цветовую гамму флага..., таким образом, выражала свое негативное отношение к проведению... специальной военной операции Вооруженными Силами РФ»¹⁴. При этом по тексту Решения иных доказательств указано не было. А ведь если бы она сделала это второй раз в течение года, то была бы привлечена уже к уголовной ответственности (ст. 280.3 УК РФ). Государство посредством необоснованной криминализации новых деяний само создает преступников. Правы были представители такого направления, как криминология закона. Другим примером является привлечение к ответственности школьного учителя за подготовку школьников к конкурсу с песней со словами «Милые добрые взрослые, отмените войну»¹⁵. Вероятно, сопровождение песни рисунками, выполненными, помимо русского, также на английском и украинском языках, убедительно, по мнению суда, доказывает вину учителя. Но ведь этого недостаточно!

Это приводит к тому, что в последнее время в доктрине подвергается сомнению незыблемый до настоящего времени принцип «незнание закона не освобождает от ответственности». Обоснованием такого сомнения служат неопределенность запретов и максимально спорное правоприменение (о наличии которого граждане зачастую даже не подозревают). В связи с этим существенно возрастает важность правового просвещения: доведения до граждан информации о последних изменениях в законодательстве

¹⁴ Постановление Симонувск. район. суда г. Москвы от 12 марта 2024 г. по делу № 5-364/2024. URL: <https://epikrisus.org/wp-content/uploads/listing-uploads/judges-files-1-2/shassaev-virovets-2.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁵ См.: Постановление Уссурийск. район. суда Приморск. края от 3 июля 2025 г. по делу № 5-495/2025 // ГАС РФ «Правосудие». 2025. URL: https://ussuriysky-prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=220061249&delo_id=1500001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.09.2025).

и о том, каким образом его применяют, включая рассмотренные выше спорные решения. Такая практика реализуется, например, автором статьи в Сибирском юридическом университете (Омск) посредством проведения правовых уроков для школьников по профилактике экстремизма в молодежной среде. В долгосрочной перспективе это должно помочь снизить количество осужденных как по статьям уголовного, так и по статьям административно-деликтного законодательства.

Увеличивается количество случаев, когда субъективная сторона не устанавливается судом. Например, гражданин выходит с плакатом с надписью «Нет войне!», после чего осуждается за дискредитацию Вооруженных Сил РФ. Но доказательств, какую конкретно войну он имел в виду, не приводится. А если он в принципе против любых боевых действий? Следует ли в таком случае запрещать идеологию пацифизма и толстовства, а международное движение пацифистов и толстовцев включать в список экстремистских организаций? В вышеприведенных примерах по административным делам (они рассматриваются в исследовании с учетом наличия уголовной ответственности за аналогичные повторные действия) также убедительных доказательств вины подсудимых приведено не было. Более того, судя по изложенным фактам, их и не может быть – налицо отсутствие какого-либо противоправного поведения. В связи с этим Н. А. Лопашенко справедливо отмечает, что объективное вменение (запрещенное УК РФ) может выражаться в «простом провозглашении лица виновным с апелляцией к тексту гл. 5 УК РФ. Без приведения каких-либо доказательств» [13, с. 75]. Действительно, в большом количестве приговоров, рассмотренных нами, осознание общественной опасности действий (бездействия), предвидение возможности или неизбежности наступле-

ния общественно опасных последствий, желание их наступления констатируются так, будто являются аксиомами, лишь посредством указания формулировки «действуя умышленно» либо же простым копированием законодательной формулы прямого умысла без соответствующего обоснования и выбора (если конструкция предполагает альтернативу, то, например, «относилось безразлично», «сознательно допускало», «предвидело возможность» либо «предвидело неизбежность» и т. д.).

Более внимательно правоприменители относятся к доказыванию наличия соответствующих целей или мотивов (в случае их обязательности в соответствующем составе преступления), однако и здесь следует отметить довольно спорные тенденции. Так, если лицо совершило по указанию кураторов поджог определенных объектов за деньги, содеянное зачастую квалифицируется как террористический акт или диверсия, в которых факультативные признаки субъективной стороны имеют другой характер.

Отдельные решения о криминализации наводят на мысль о неэффективности предупредительной деятельности государства, в том числе в части его способности убеждать население в чем-либо. В качестве примера можно привести криминализацию несообщения о преступлении в 2016 г. Логично предположить, что одной из целей введения ст. 205.6 в УК РФ является повышение возможности правоохранительных органов предупреждать преступления террористического характера. Однако обходились же без уголовной ответственности за такую модель поведения 20 лет (1996–2016 гг.). Конечно, намного легче под страхом ответственности заставить граждан содействовать государству в борьбе с терроризмом. Но насколько это будет эффективно? Представляется важной мотивация правомерного поведения. Если человек будет вести себя определенным образом лишь

под страхом ответственности, у него вряд ли сформируется надлежащий уровень правосознания и уважение к закону. Не лучше ли (хотя, безусловно, сложнее) убедить граждан в том, что государству необходима помощь в противодействии терроризму? В этой связи заслуживает внимания высказывание Ж.-Ж. Руссо: «Суровость наказания – это лишь бесполезное средство, придуманное неглубокими умами, чтобы заменить страхом то уважение, которого они не могут добиться иным путем» [14, с. 87].

Можно выдвинуть тезис о том, что государство, криминализируя несообщение о преступлении, расписывается в своей неспособности самостоятельно, без помощи граждан выявлять и пресекать преступления террористического характера. Но даже если ситуация складывается таким образом, то это не может служить основанием (без надлежащего дополнительного обоснования криминализации подобной модели поведения) для возложения на каждого гражданина, по сути, полицейской обязанности сообщать о готовящихся, совершаемых и совершенных преступлениях (или лицах, их совершивших).

Интерес представляет статистика по количеству зарегистрированных преступлений террористического характера после криминализации несообщения о преступлении. По замыслу законодателя, количество должно было увеличиться: граждане под страхом ответственности должны были массово сообщать о террористах и совершаемых ими преступлениях. Однако официальная статистика свидетельствует об обратном: если в 2016 г. было зарегистрировано 2227 преступлений террористического характера, в 2017 г. – 1871, в 2018 г. – 1679, в 2019 г. – 1806¹⁶, то только начиная с 2020 г. показатели вернулись к уровню 2016 г. В настоящее время количество преступлений

террористического характера увеличилось, что можно связать с текущей международной политической ситуацией.

Более того, некоторые субъекты криминологической профилактики, которой, безусловно, также должна отводиться достойная роль в сфере борьбы с преступностью, демонстрируют несколько странный подход к работе с объектом профилактики. Так, на предложение автора статьи провести ряд правовых уроков для школьников на тему противодействия вовлечению подростков в так называемые суицидальные группы был получен отказ от школьных педагогов и психологов, аргументированный тем, что школьникам не следует «рассказывать такие вещи», ведь это может травмировать их «хрупкую детскую психику». В таких случаях наблюдается некоторая оторванность школьных работников от реальности с излишне идеализированным представлением о современных школьниках.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, отметим наличие значительного числа настораживающих факторов. Всё это негативно отражается на преступности в целом и на отдельных ее видах в частности. Опасения возникают даже относительно написания критических научных статей на подобную тематику. Не приведет ли уголовно-правовая политика последних лет к запрету на криминологические исследования в общем? Изучаешь преступность – дискредитируешь государство? Это уже наблюдалось в конце 20-х – начале 60-х гг. XX в. (а фактически и до распада СССР, пусть и с определенными послаблениями). Приведенные нами примеры нельзя назвать единичными эксцессами по причине их множества, а также в силу отношения государства к подобным примерам. К сожалению, приведенный в статье

¹⁶ См.: Портал правовой статистики Генер. прокуратуры Рос. Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 17.09.2025).

список вызывающих опасения тенденций далеко не полный, что обуславливает целесообразность продолжения анализа рассматриваемой тематики в последующих научных исследованиях.

Обозначенные проблемы требуют незамедлительной смены как законодательского, так и правоприменительного курса, что может найти отражение: 1) в принятии концепции (стратегии) противодействия преступности, содержащей принципы, субъекты, направления уголовно-правовой политики; 2) большем использовании достижений уголовно-правовой доктрины

при разработке законопроектов; 3) большем использовании доктринальных положений при вынесении судебных решений; 4) на уровне Верховного Суда Российской Федерации – в обращении внимания судов на более тщательное обоснование в описательно-мотивировочной части судебного решения признаков субъективной стороны состава преступления; 5) ориентации законодателя на учет критериев криминализации при изменении уголовного законодательства; 6) законодательном установлении требований к принимаемым законопроектам.

Список литературы

1. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология) : моногр. СПб. : Алетей, 2021. 137 с. DOI: <https://doi.org/10.23681/619692>
2. Гравина А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11 (239). С. 95–106. DOI: <https://doi.org/10.12737/21994>
3. Караваева Ю. С. «Мертвые» специальные нормы уголовного закона как критерий избыточной (неоправданной) его специализации // Правоведение. 2022. Т. 66, № 1. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.104>
4. Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9 (237). С. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.12737/21224>
5. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 2 (147). С. 131–144. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144>
6. Гилинский Я. И. Уголовная политика общества постмодерна // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов IX междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб. : Астерион, 2022. С. 10–18.
7. Хомич В. М. Обеспечение достойной жизни людей как универсальный криминологический фактор уголовно-правовой политики в сфере безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 60–65. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-42-3-60-65>
8. Гилинский Я. И. Уголовная политика в современном обществе // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (22–23 апр. 2022 г., Кострома) / сост.: Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев [и др.] ; отв. ред.: В. В. Груздев, Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2022. С. 54–58.
9. Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 247–250.
10. Дамм И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 12–27.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) : [моногр.] / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2019. 316 с.
12. Савельев И. В. Особые требования к обоснованию инициатив о криминализации и пенализации: на пути к стабилизации законотворчества в уголовно-правовой сфере // Союз криминалистов и кримиологов. 2024. № 1. С. 26–30.
13. Лопашенко Н. А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 9 (178). С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083>
14. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019. 352 с.

References

1. Gilinsky Ya. I. *Postmodern Criminology: Neocriminology*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2021. 137 p. DOI: <https://doi.org/10.23681/619692> (In Russ.)
2. Gravina A. A. Trends of the Development of Criminal Law at the Modern Stage. *Journal of Russian Law*. 2016;11:95-106. DOI: <https://doi.org/10.12737/21994> (In Russ.)
3. Karavaeva Yu. S. “Dead” Special Provisions of the Criminal Law as a Criterion of Excessive (Unjustified) Specialization. *Pravovedenie*. 2022;66(1):69-79. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.104> (In Russ.)
4. Kaufman M. A. Mistakes in Criminal Law Legislation. *Journal of Russian Law*. 2016;9:92-101. DOI: <https://doi.org/10.12737/21224> (In Russ.)
5. Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Criminal Policy and Criminal Law in a Strong State. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;18(2):131-144. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.147.2.131-144> (In Russ.)
6. Gilinsky Ya. I. Criminal Policy of Postmodern Society. In: Rakhmanova E. N. (Ed.). *Criminal Policy and Law-Enforcement Practice*. St. Petersburg: Asterion Publ.; 2022. P. 10–18. (In Russ.)
7. Khomich V. M. Ensuring a Decent Life for People as a Universal Criminological Factor of Criminal Legal Policy in the Security Field. *Legal Order: History, Theory, Practice*. 2024;3:60-65. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-42-3-60-65> (In Russ.)
8. Gilinsky Ya. I. Criminal Policy in Modern Society. In: Gruzdev V. V., Bril' G. G. (Eds.). *Problems of Law-Enforcement Activity at the Present Stage*. Kostroma: Kostroma State University Publ.; 2022. P. 54–58. (In Russ.)
9. Korobeev A. I. Criminal Policy in Contemporary Russia: Current State and Prospects. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;3:247-250. (In Russ.)
10. Damm I. A. Anti-Crime Policy as a New Paradigm for Interaction Between Society and the State. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024;17(1):12-27. (In Russ.)
11. Lopashenko N. A., Dolotov R. O., Kobzeva E. V., Khutov K. M. *The Criminal Code of the Russian Federation: A Scholarly Draft*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2019. 316 p. (In Russ.)
12. Savelyev I. V. Special Requirements for the Justification of the Initiative on Criminalization and Penalization: Towards the Stabilization of Lawmaking in the Criminal Law Sphere. *The Union of Criminalists and Criminologists*. 2024;1:26-30. (In Russ.)
13. Lopashenko N. A. Guilty Despite no Fault: a Reconsideration of Fault and Subjective Imputation. *Actual Problems of Russian Law*. 2025;20(9):72-83. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083> (In Russ.)
14. Korobeev A. I. *Russian Criminal-Law Policy: From Genesis to Crisis*. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2019. 352 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Викторович Пошелов, доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5233-9116>; e-mail: poshelov@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Poshelov, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University (12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5233-9116>; e-mail: poshelov@bk.ru

Поступила | Received
04.10.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
08.04.2026

Принята к публикации | Accepted
08.04.2026